
© Е.Н. ЭРТНЕР

elena_ertner@mail.ru

УДК 821.161.1.09

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОБРАЗНОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются актуальные возможности геокультурного подхода к исследованию пространственной образности русской литературы.

SUMMARY. The article deals with the topical opportunities the geocultural approach opens to researching spatial imagery of Russian Literature.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Геокультурный подход, феноменология места, пространственная образность, литература и география.

KEY WORDS. Geocultural approach, space phenomenology, spatial imagery, literature and geography.

Географическая образность в последнее время все чаще исследуется с позиций феноменологии. Путь к такого рода пониманию был достаточно долгим, и связан он в первую очередь с географическим детерминизмом, поставившим вопрос об обусловленности человека местом. Кстати, в западной географической науке детерминизм благополучно развивается до середины 1960-х гг., да и сегодня изучаются его новые возможности.

Сегодня «поведенческая», или когнитивная география исследует пространство в плане его *восприятия*. Достаточно продуктивным и для когнитивной географии оказался европейский философский и эстетический опыт феноменологии Мартина Хайдеггера, Эрнста Кассирера, Жана Поля Сартра, Гастона Башляра и других. Термины «поведенческая география», «география поведения», «география восприятия», «когнитивная география», «перцепционная география» — можно трактовать как синонимы. «Неоткрытые земли сознания» [1]; [2] и становятся предметом научного осмысления этого направления.

Исследование географических образов имеет в истории свою традицию. Еще Страбон и Гомер в качестве основного подхода выдвигали художественно-страноведческую методологию: для «показа места» они стремились, прежде всего, создать образ, их интерес был сосредоточен на синтезе «компонентов территории», поиске взаимосвязей, в том числе и с поведением, и с природой «характера» человека, живущего здесь. По существу, именно эти идеи обусловили утверждение концепции «географического детерминизма». В новое время в работах основателей современной географии К. Риттера и А. Гумбольдта можно выявить движение этой идеи в двух направлениях.

Так, К. Риттер формулирует знаменитое положение: «человек — зеркало территории» [2; 45], а Гумбольдт исследует *восприятие* человеком физико-географических явлений. Эти два подхода оказали сильнейшее воздействие на фе-

номенологическую географию. Также весьма продуктивными для нее оказались и высказывания В. Кристаллера об «уникальности места», или концепция В. Бутте, в основе которой лежит тезис: «Население, ассимилируемое территорией, пытается ассимилировать ее» [3; 7]. Наконец, в работе А. Геттнера «География. Ее сущность и методы» (1927) география впервые столь явственно понимается как наука о пространстве и восприятии различных географических мест человеком: наука о географическом пространстве говорит не об «объекте <...> а о заполненности пространств» [4; 120].

Русская антропогеографическая школа связана с именами С.М. Соловьева, Л.И. Мечникова, Л.Д. Синицкого и др. Исследование мыслителей строилось на пересечении историко-культурного и географического подходов, в основе которого было убеждение, что человек всеми своими корнями связан с Землей. Замедленное культурное и историческое развитие русского народа по сравнению с народами Западной Европы отечественные ученые объясняли «русской равниной», отрезанностью от морей в ранний период развития, близостью Востока и незащищенностью от него, суровыми климатическими условиями и т.д.

Чуть позднее, развивая идеи западноевропейских исследователей Марте и Ратцеля, В.П. Семенов–Тянь-Шанский пишет «о могуществе пространства вообще и пространства чем-либо ограниченного, то есть места, по отношению к человеку» [5; 3] и подлинной «зависимости от ландшафта склада ума и типа творчества» этноса. Особенно интересна, с нашей точки зрения, его работа «Влияние географического ландшафта на творчество человека» (1928).

Стоит заметить, что Семенов–Тянь-Шанский в своей трактовке географии оказывается весьма близок к феноменологии. В его интерпретации география — «наука изобразительная, зрительных представлений, зрительной памяти». В творчестве человека воплощается его восприятие ландшафта. Так, символика цвета обусловлена температурой и колористической доминантой национального пейзажа: «белый цвет северных стран» символизирует «небытие и печаль», тогда как «цвет снегов высокогорья» утрачивает эти качества, но обретает другие, «таинственность и неизведанность» [5; 129-130]. Цвет, свет, вкус, запах, звуки и т.д. и организуют каждое «место Земли»: «Вот эта-то природная симфония каждого отдельного ландшафта и влияет сильнейшим образом на творчество человека, хотя он сам того зачастую не замечает. А между тем это сказывается на всем творчестве, начиная со словообразования» [5; 131-132].

Особенно интересны наблюдения исследователя над феноменологией «географии» звука. Феномен звука, демонстрирующий связь субъекта и места, проявляет себя во всем многообразии: долготе или краткости, доминанте согласных или гласных, особенностях ударения в слове, в своей обусловленности ландшафтом, звуковой «певучести» мягкого климата или «удлинении звука, или слова, или мелодии» в зависимости от «бесконечной шири русской равнины».

И в этом смысле география мыслится как особый вид искусства: «География идет преимущественно интуитивным путем, особенно близко роднящим ее с искусством» [6; 260, 273]. Поэтому трудно переоценить, с точки зрения ученого, возможности, которые открываются для географа в изучении геопространства в художественном слове. «Художественная география», по Семенову–Тянь-Шанскому, «создает образы», и «читатель специфически индивидуально их воспринимает». Думается, что идеи ученого еще ждут своего освоения в науке, а продуктивность его подхода для филологического исследования достаточно очевидна.

Поиски новых базовых принципов исследования географических образов, позволяющих осмыслить опыт восприятия человеком места, во многом определили выбор художественных произведений в качестве объекта. Востребованной с этих позиций оказывается теория Н.П. Анциферова, поскольку зиждется она на исследовании русской литературы: «... *genius loci* откроется нам в переживании образа Петербурга в русской художественной литературе» [7; 45]. Первые суждения о «духе места» обнаруживает ученый в работах И. Тэна и статье А.И. Герцена «*Venezia la bella*», где речь идет о «месте как живом организме» [7; 27-28].

В основе этой теории — *феноменологическое вживание в объект* исследования, мысль о том, что понимание объекта возможно лишь через переживание и раскрытие его «внутреннего духа». По Анциферову, феноменологический взгляд на место присущ литературе изначально, ибо «художнику... доступно *целостное видение* города, которое может привести к *уяснению его смысла*» (курсив авт.) [7; 47]. И далее Анциферов намечает проблему диалога человека и места, апеллируя к высказыванию Вернон Ли: «Места и местности ... действуют на нас как живые существа, и мы вступаем в дружбу с ними» [8; 15], имея в виду используемый исследовательницей образ из римской религии — *genius loci* — божество местности» [8; 16]. Другое дело, что синонимом диалога у Анциферова является «беседа»: «беседа с душой города» [7; 30]. Душа человека должна быть «открыта для тихого созерцания. В такие минуты между вами и городом родится незримая связь, и его *genius loci* заговорит с вами» [7; 38]. Только в этом случае субъекту дается «опыт постижения места» [7; 46].

Кроме того, обращаясь к исследованию «души» города, Н.П. Анциферов признает: «Нужно помнить, что *познание является отчасти самопознанием*, так как город открывает свое лицо только тому ... кто приобщился к его жизни, сделался частицей этого сложного мира» (курсив авт.) [7; 47]. Таким образом, в работах ученого 1920-х годов субъект рассматривается в ситуации его объективирования местом, в данном случае городом, а город является интенциональным объектом.

Феноменологическое «вживание в Петербург» Анциферов выявляет в творчестве Ф.М. Достоевского, исследуя обусловленность феномена места национальной ментальностью: «Достоевский поведал нам о том, как он умел *всматриваться* в Петербург, *схватывать выражение его лица* и, *созерцая его «мыслящим взглядом»*, *прозревать за внешней оболочкой присутствие иного бытия»* [7; 217] (курсив авт.). Заметим, что лексика, используемая исследователем, во многом отсылает нас к феноменологической терминологии: «схватывание», «опыт переживания места», «всматривание», «язык места» и т.д. Так, замечает исследователь, «заставляет нас Андрей Белый пережить Михайловский замок» [7; 42], или в литературе XIX века «переживается» «пафос шири» [7; 40].

Концепции *восприятия* пространства (места) в современном знании отражают феноменологическое представление о мире. Образность обыденного сознания, уже не говоря о художественном, как подтверждают исследования западных ученых (К. Зауэра, Дж. Райта, У. Кирка, Г. Уайта, Дж. Голда, Ли Туана и других), конститутивна по своей природе: «Индивид не окружен уже существующими объектами, но сам их конструирует, придавая внешнему окружению значения...» [9; 43].

Задача феноменологического метода изучения культурного ландшафта (тем более геопространственности художественной) состоит в том, чтобы исследователь,

отбросив культурные и научные способы восприятия действительности, ее «феноменов», понял феномен таким, каков он есть на самом деле, выходя на понимание его изнутри. При таком подходе, как замечает С.В. Федулов, создавая комментарий к одному из важнейших трудов Дж. Голда по феноменологической географии, «разделение «объективного и «субъективного» теряет смысл, то есть размывается (ликвидируется) противопоставление «объекта» и «субъекта», «познаваемого» и «познающего». Феноменология географии видится в интересе к изучению осмысления мира обыденным сознанием, стремлении понять, как самоорганизуется пространство, исследовании смыслов различных пространственных явлений и процессов, в том числе пространственного поведения человека [1; 76].

Предтечей феноменологической географии явились материалы, актуализированные различными школами психологии. Имеются в виду структурализм, бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ. Феноменологический подход при исследовании *восприятия индивидом* внешних явлений, подчеркивает Дж. Голд, «преследует цель достичь этого средствами холистического, то есть целостного описания (при котором целое полагается больше суммы его частей) без учета различий между непознаваемыми субъективными и фактическими, активно существующими феноменами» [9; 38].

Методологически значимыми оказываются труды американского исследователя Туана, в особенности его концепция *феноменологии места*. При этом само понятие места определяется как многозначное: «статичное, организованное и осознанное пространство как носитель смыслов», «пространство, которое ощущается как хорошо знакомое; «сохраняющий устойчивое состояние предмет, который привлекает наше внимание» [10; 68]. Размышляя о природе явления, исследователь замечает: «Человеческие существа ощущают потребность как в месте, так и в пространстве. Жизнь человека — это диалектическое колебание между безопасным пристанищем и приключением, привязанностью и свободой» [10; 157].

Благодаря современным достижениям геокультурологии становится возможной новая интерпретация «географических образов». Это приводит к тому, что географические исследования последнего времени все чаще в качестве аналитического объекта избирают литературу, а в качестве предмета — художественное пространство. При этом географы исходят из того, что «художественная литература аккумулирует культурно-географическую информацию» [11; 5], а отраженное в литературе пространство играет роль «пространственной памяти». Литературные произведения, пережившие время, несут в себе изображение пространственных связей, смыслов, эмоциональных стереотипов и символов, бытовавших в определенной культуре [12; 27].

Благодаря литературе в геокультурном пространстве одновременно содержатся как современные, так и исторические пространственные образы, символы и стереотипы. Понятие «наблюдатель» (воспринимающий субъект) непременно «входит» в пространственную картину мира. Не остается вне внимания географа и фантастическое пространство. Как подчеркивают исследователи, и фантастические пространственные образы включены в информационную составляющую географической оболочки.

Быстро растет междисциплинарная область культурной семантики, все более проникающая географическим содержанием. Одним из ярких примеров такого рода исследований является монография О. Лавреновой «Географическое пространство в русской поэзии XVIII-начала XX вв. (геокультурный аспект)».

В ней автор обращается к творчеству многих русских поэтов: А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова, А. Сумарокова, Г. Державина, Е. Баратынского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, В. Брюсова, А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельштама, С. Есенина, В. Хлебникова, Б. Пастернака и других.

Такой «взгляд» на русскую поэзию XVIII — XX вв. не отличается полнотой (тем более, что объект исследования составили сборники избранных стихов поэтов), но общее представление о геопространственных образах России дает. О.А. Лавренова впервые в рамках одной работы осуществила попытку создания частотных пространственных (географических) словарей: персональных, посвященных отдельным авторам, и хронологических. Осмысление полученных результатов позволило исследовательнице обрисовать геопространственность русской поэзии в ее развитии от XVIII к XX веку. Меняется самовосприятие России (из Севера она превращается в Азию), переосмысливается статус Центральной России, Кавказа, Сибири, Урала; классицистическая аллегоричность уступает место символу и др. По материалу книга очень интересна, наблюдения и выводы автора во многом помогут и филологу в его исследованиях.

Но русская классическая поэзия сопротивляется подходу, избранному автором, ее «географическая пространственность» переживается художниками не только как «физика», она вне обыденного сознания. Применять к ней модель восприятия среды Дж. Покока вряд ли возможно: в ней нет подчиненности утилитарному принципу ориентации в пространстве повседневности. Как отмечает В.Каганский, «поэзия вряд ли пригодна для понимания культурной освоенности среды, но попытка увидеть в поэзии выражение культурной традиции, самоопределения в реальном пространстве — очень продуктивна» [13; 557].

Наиболее интересны главы монографии О. Лавреновой, в которых исследуются процессы мифологизации реального пространства, «психология» наделения его «смыслами» и «духом», использование традиционной и создание новой мифологии места русской поэзией. Так, рассматривается мифопоэтика Хаоса и Космоса в символическом пространстве Кавказа, Сибири, Урала: «Анализируя географическую составляющую русской поэзии, обнаруживаем, что Сибирь попадает в категорию Хаоса. Этот Хаос постепенно организуется к началу XX века ... Урал, первоначально носящий имя мифических гор эллинской культуры, является первым рубежом, своеобразным фронтиром (границей между освоенной и неосвоенной территориями), разделяющим «свою» и «другую», или «чужую» территории, но все же более принадлежащим к последней (на ранних географических картах Сибирь включала в себя и Урал» [11; 80].

Далее, с точки зрения географической науки, автор рассматривает и обратный процесс: некоторые закономерности демифологизации места. Таким образом, очевидно, что исследовательница обращается к сложившейся традиции мифопоэтического подхода. Филологическим основанием исследования являются работы Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского. Мифопоэтическое пространство предстает как «совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена [14; 63].

Географическую образность в культуре и литературе средневековья исследует Е.А. Мельникова в книге «Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V-XIV века». Христианский образ мира как хронического пространства, соединивший античную «географию» и библейскую космологию, изучается в своем становлении и развитии, в сложном переплетении позитивных знаний, мифологии, легенд (глава «Легендарная география средневековья»).

При этом наряду с философскими и естественнонаучными трактатами объектом исследования становится эпос и более поздние средневековые литературные памятники, в основном связанные в жанровом отношении с путешествием (паломничеством) в Святые земли. Автор рассматривает в избранных текстах «осознанные контаминации локусов, переосмысление географических названий» (глава «Ойкумена викингов») [15; 196].

Ю.А. Веденин, рассматривая искусство в ландшафтноформирующем аспекте, выделяет культурный ландшафт — «базовое понятие, обеспечивающее принципиально новый подход человека к своей деятельности, переоценке своих связей с Землей» [12; 196]. Культурное пространство вытесняет природное: «Всякое земное пространство, жизненная среда ... — культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а человек освоил это пространство утилитарно, семантически и символически» [13; 24]. Определение такой пространственности уже включает в себя субъекта. Как настаивает В.Г. Щукин: «Культурное пространство — это простор, ставший своим, о-своенный, а значит, у-своенный себе, для себя собранный (но не побежденный и подавленный)» [16; 22].

В этом плане большой интерес представляет монографическое исследование Д.Н. Замятина, посвященное пространству и языку географических образов (2003) и статья того же автора «Феноменология географических образов» (2002). Помимо постановки методологических задач, связанных с утверждением понятия «географический образ» и его изучением, исследователь обращается к анализу геопространственной образности произведений Андрея Платонова «Чевенгур» и «Ноев ковчег». Можно отметить, что «взгляд» географа открывает прозу и драматургию писателя в новом ракурсе, поскольку он «вскрывает» «мощный пласт пространственно-географических мотивов, которые можно рассматривать как *первичные* по отношению ко всем другим направлениям возможного поиска» [17; 126] (курсив Д.З.).

Наблюдения автора небезынтересны филологу, в частности, проблема представления пространства в произведениях Платонова в ее соотнесенности с «пространственным мышлением средневековья» или «хорографическим и картографическим принципами географических описаний древности» [17; 134]. В качестве феноменологического инструментария Д. Замятин избирает «анизотропную среду», в которую «преображается взаимодействие «субъекта» (автора романа) и «объекта» (географическое пространство) [17; 127]. Исследование произведения с этих позиций, тем не менее, осталось во многом за пределами работы, а между тем у текста есть свои права, и понятия «автор» и «герой» в их сопряжении с интерпретацией «субъекта» нуждаются в уточнении. Однако еще раз подчеркнем, что собственная методологическая задача исследователем выполнена вполне исчерпывающе.

На стыке культурной географии и литературоведения находится исследование В.Г. Щукина. Предваряя изучение мифа дворянской усадьбы в русской литературе на основе геокультурологического подхода, В.Г. Щукин подчеркнет: «Геокультурология изучает пространственную культуру разных времен и народов. Ее предметом являются взаимоотношения человека и окружающей его географической среды (топографической структуры местности, ландшафта, климата, природных богатств и т.п.), то есть, с одной стороны, влияние цивилизации на естественную среду, ее обживание и освоение, а с другой — воздействие природных свойств населяемых территорий на ментальность, материальное и духовное творчество живущих там людей <...> в первую очередь, пространственные представления» [16; 13].

Исследование В.Г. Щукиным природного и культурного ландшафта дворянской усадьбы, «оказавшись» на пересечении двух сфер знания: филологии и

геокультурологии, многое приобрело. Этим и, разумеется, талантом самого исследователя может объясняться безусловная авторская удача.

Итак, в науке последних лет, не только филологической, но и в геокультурологии, спациологии (термин В. Топорова) проблема рассматривается в плане *восприятия* пространства и места. «Места с репутацией» создают история и литература, возможно, поэтому последняя и становится одним из важнейших объектов исследования для современного знания. Глубоко прав В. Каганский, когда пишет: «Всякое место и даже само основание его существования ... полисеманлично, полифункционально, поликонтекстуально» [13; 927]. И в этом ключе важно сегодня и геокультурологу, и филологу поставить проблему *смысла жизни места*» [13; 92] (выделено авт.). Культурное и художественное пространство не только семиотический объект. «Мифология должна уступить место «морфологии пространства», но не в рамках традиционной научной парадигмы», — настаивает ученый.

Подводя итоги развития феноменологического понимания пространства, актуализированного геокультурологией, можно определить концепции пространства, релевантные для осмысления глубинной взаимосвязи художественного сознания и земли (места), это сознание порождающей, и им же репрезентируемой в пространственной образности произведения. Авторское сознание имеет опосредованное отношение к факту и событию места, его «чистая сущность» способна воплощаться в данностях восприятия, воспоминания, фантазии и т.д., ибо геопространство изначально определяет «мысль» художника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федулов С.В. Неоткрытые земли сознания // Голд Дж. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс. 1990. С. 5-25.
2. Риттер К. Европа. М., 1864.
3. Бутте В. Очерк истории антропогеографических идей. М., 1909.
4. Геттнер А. География. Ее история, сущность, методы. Л.-М., 1930.
5. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Что должен знать каждый краевед о географии человека. Л., 1927.
6. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Гул земли. Л., 1928.
7. Анциферов Н.П. Непостижимый город. Л., 1991.
8. Вернон Ли. Образ города. СПб., 1914.
9. Голд Дж. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.
10. Tuan Yi-Fu. Literature and Geography: implications for geographical research// Geography: prospects and problems. Chicago, 1987.
11. Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII-начала XX в. (геокультурный аспект). М., 1998.
12. Веденин Ю.А. Концепция культурного ландшафта / Очерки по географии искусства. М., 1997.
13. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
15. Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V- XIV века. М., 2004.
16. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краків, 1997.
17. Замятин Д.Е. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.